

Послужитя, мои други, поработайтя.
Выгребнем, мои други, на Тихой Дон,
Погребним, мои други, х круту берешку.
Ко мне от крою, вы, до краю,⁶
До блаженного раю,
От конца, вы, до конца до небесного отца,
Я сам с вами погребу,
Я и сам вам помогу.
Помоги, наша надежа, пособи нам, свет,
Воля божия творит, святая заповедь сохранит.⁷

¹ караблик

² даром

³ Строка отсутствует.

⁴ поклоняется

⁵ а сударь

⁶ от края вы до края

⁷ хранить

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-1-33-40

© Н. Д. Кочеткова

Н. И. НОВИКОВ — ПЕРЕВОДЧИК

Для большинства исследователей истории русской культуры Н. И. Новиков — это, прежде всего, издатель. Действительно, его деятельность являет особый, чрезвычайно важный этап в развитии всего отечественного книжного дела. Как писатель он тоже хорошо известен благодаря его ярким выступлениям в издававшихся им сатирических журналах. Гораздо меньше привлекает внимание его работа как переводчика.

Переводную литературу Новиков ценил и, начиная издание своего журнала «Трутень» (1769–1770), предлагал присылать не только сочинения, но и переводы. К качеству переводов он относился с неизменной требовательностью. Так, в одной из статей «Трутня» говорилось, что «славные стихотворцы, обезображенные худыми переводами, чрезвычайно огорчились и просили Аполлона о заступлении».¹ В то же время Новиков отмечал и удачу переводчиков. Так, после просмотра комедии П. О. Бомарше «Евгения», поставленной, а затем опубликованной в переводе Н. В. Пушкинова, издатель «Трутня» счел необходимым отметить не только превосходную игру И. А. Дмитриевского, но и мастерство переводчика, который «все красоты, находящиеся в подлиннике, сохранил и на российском языке».²

Позднее, издавая в 1777 году «Санкт-Петербургские ученые ведомости», Новиков неоднократно обращался к характеристике переводных сочинений. В статье с отрицательным отзывом об одном из неудачных переводов говорилось: «...слышали мы, что Аполлон ничем так не раздражается, как ответами некоторых переводчиков: „Этова на русской язык перевести нельзя“; и всегда отвечает таковым: „Ты не знаешь российского языка“; ибо он, как сказывают, уверен в том, что *российский язык* ко всем родам писаний весьма удобен».³

¹ Сатирические журналы Н. И. Новикова / Ред., вступ. статья и комм. П. Н. Беркова. М.; Л., 1951. С. 113.

² Там же. С. 264.

³ Санкт-Петербургские ученые ведомости на 1777 год. 2-е изд. / А. Н. Неустроева. СПб., 1873. С. 86–87.

В одной из рецензий, вероятно, принадлежавшей самому Новикову, были сопоставлены два перевода одной и той же книги, появившейся в России под разными названиями: «Экономия жизни человеческой, или Сокращение индийского правоучения...» (М., 1765; 2-е изд., 1769; 3-е изд., 1781; 4-е изд., 1791) в переводе Е. и П. Цициановых и «Китайский мудрец, или Наука жить благополучно в обществе...» (СПб., 1773; 2-е изд., 1777; 3-е изд., 1785) в переводе С. П. Колосова.⁴ Новиков писал: «Московский перевод не так хорош, чист и приятен, как петербургский; да и неудивительно, потому что первый учинен начавшими еще только упражняться в переводах, а последний — искусным, долго упражнявшимся и весьма знающим оба языка переводчиком Колосовым».⁵ Показательно, что рецензент отдает предпочтение в искусстве перевода не князьям Цициановым, а бывшему крепостному Колосову, ставшему протоколистом и сумевшему прекрасно овладеть французским и английским языками.⁶

Постоянный интерес Новикова к переводной литературе и внимание к качеству перевода — все это было связано и с его собственными опытами переводческого труда. Еще В. П. Семенников, обратившись к материалам архива Конференции императорской Академии наук, опубликовал документы, свидетельствующие о том, что Новиков в начале 1770-х годов несколько лет служил переводчиком в Коллегии иностранных дел.⁷ Составив и изучив обширный список книг, опубликованных Новиковым, В. П. Семенников выделил те, которые были им не только изданы, но и переведены, как небезосновательно считал исследователь.

Среди них два перевода из сочинений Вольтера. Первый из них — «Перевод с Поэмы о нынешних делах. Иоганна Плокгофа голстинского надворного советника. В 1770 году» (СПб., 1770).⁸ Это сочинение, с которым Вольтер выступал под псевдонимом, связано с событиями русско-турецкой войны. Русский прозаический перевод Новикова был издан на его счет тиражом 400 экземпляров. В следующем году этот перевод появился под названием «Поэма о нынешних делах, или Увещание о восприятии против турок оружия» с отдельной пагинацией под одной обложкой с другим переводом из Вольтера — «Переписка г. Волтера с епископом А***» (СПб., 1771). Эта книга была перепечатана Новиковым в 1787 году в Москве.⁹ При этом как издатель он продолжал знакомить русских читателей с сочинениями французских просветителей, включая Д. Дидро, Г. Мабли, Ш.-Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, и других.

Особый интерес исследователей привлекла книга одного французского автора, не только изданная, но и переведенная самим Новиковым, как основательно полагал В. П. Семенников. Речь идет о напечатанной на счет Новикова книге, изданной в Петербурге в 1772 году: «Французская нынешнего времени философия; сокращенно выписана из книги „Variétés d'un Philosophe Provinciale, par mr. Ch... Le jeune“, печатанной в Париже 1767 года» («Разные сочинения провинциального философа господина Ш... Младшего»). Книга была переиздана в Москве в 1787 году Типографической компанией. В. П. Семенников не указал имени автора, но справедливо заметил: «Книжка эта, связанная с именем Новикова, представляет, несомненно, некоторый интерес для характеристики его тогдашнего миросозерцания».¹⁰ Более точные библио-

⁴ Авторство оригинала книги — «The economy of human life» (1750), — приписывалось Р. Додсли, а также графу Честерфилду (Ф. Д. Стенхопу). Оба перевода выполнены с французского посредника.

⁵ Санкт-Петербургские ученые ведомости на 1777 год. С. 170–171.

⁶ О Степане Прокофьевиче Колосове (ум. до 18 апреля 1773 года) см.: Штранге М. М. Демократическая интеллигенция в России в XVIII веке. М., 1965. С. 121, 125–126; Степанов В. П. Колосов Степан Прокофьевич // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2. К–П. С. 107–108.

⁷ Семенников В. П. Материалы для истории русской литературы и для Словаря писателей эпохи Екатерины II. СПб., 1914. С. 72–77.

⁸ Jean Plokoff — псевдоним Вольтера.

⁹ Атрибуция В. П. Семенникова была принята составителями «Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800» (М., 1963. Т. 1. А–И. С. 184). См. также: Заборов П. Р. Русская литература и Вольтер. XVIII — первая треть XIX века. Л., 1978. С. 33.

¹⁰ Семенников В. П. Материалы для истории русской литературы... С. 73.

графические сведения о книге дает «Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века»: здесь назван автор — Франсуа Шампньон де Понталье (François Champion de Pontalier, 1731–1812) и указано: «Переведено и издано Н. И. Новиковым. Тираж 604 экз.».¹¹

Резкие критические высказывания этого автора о современных французских писателях, прежде всего энциклопедистах, привлекли первостепенное внимание исследователей. И. Ф. Мартынов, обстоятельно изучивший издательскую деятельность Новикова и высоко ее ценивший, считал, что «обскурантизм» Шампньона был ему «чужд и враждебен».¹² Тогда непонятно, почему же Новиков перевел и дважды издал это сочинение на русском языке. Ответ на этот вопрос предложили другие исследователи. Первым из них был саратовский историк русской литературы Л. А. Дербов. В своей содержательной монографии, посвященной Новикову, он справедливо подчеркивал, что, выступая против галломании и ревностно защищая отечественную культуру, писатель ратовал за «истинное просвещение», которое «должно основываться на сочетании европейского образования с национальной самобытностью».¹³ Вместе с тем его отношение к французским просветителям было «двойственным и противоречивым» потому, что он был человеком глубоко религиозным и «горячо осуждал „неверствие“, атеизм, неуважительное или скептическое отношение к религии».¹⁴

Такая трактовка позиции Новикова-переводчика получила дальнейшее развитие в исследовании В. Д. Рака, который убедительно показал, что писатель стремился дать русским читателям «полное представление о происходившей борьбе мнений»: «...так появилась издательская антитеза: брошюра Шампньона де Понталье <...> с одной стороны, и трактат Мабли с известным подстрочным примечанием Радищева (1773), — с другой».¹⁵ Но воспринимал ли Новиков автора этой брошюры как «клерикала, обезумевшего от ненависти к передовой философской мысли и страха перед нею»?¹⁶

Прежде всего важно учесть те немногие сведения, которые известны о Шампньоне де Понталье, и обратить внимание не только на раздел книги, выбранный Новиковым, но и на другие, оставшиеся непереуведенными, чтобы полнее представить основную направленность сочинения, взгляды его автора, а также по возможности проследить языковые особенности перевода.

Франсуа Шампньон де Понталье родился в Ренне 21 октября 1731 года, умер 10 сентября 1812 года там же. Он занимался теологией и был связан с орденом иезуитов и в связи с этим находился некоторое время в Париже. Когда этот орден был упразднен во Франции, он отправился в Орлеан к своему старшему брату, Шампньону де Нилон (Champion de Nilon), видному теологу, а затем вернулся в Ренн. Книга «Variétés d'un Philosophe Provinciale», изданная в 1767 году, — это первая книга Шампньона, имевшая во многом светский характер. Позднее он обращался только к теологическим темам.¹⁷ Книга вышла в двух частях, появившихся одновременно. Место издания отмечено: Брюссель, Париж. Во второй части получили продолжение некоторые разделы части первой, в том числе и раздел «О нынешней философии», но этот текст не был переведен Новиковым. Может быть, в его распоряжении была только первая часть, но возможно также, что он был знаком и с этим текстом, но перевести его не успел, так как напряженная работа по изданию в 1769–1772 годах журналов «Трутенъ» и «Живописецъ» требовала немало времени и сил. Не исключено, что над переводом книги Шампньона Новиков работал еще с конца 1760-х годов и лишь в 1772 году смог опубликовать свой труд.

¹¹ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. М., 1966. Т. 3. Р–Я. С. 371.

¹² Мартынов И. Ф. Книгоиздатель Николай Новиков. М., 1981. С. 29.

¹³ Дербов Л. А. Общественно-политические и исторические взгляды Н. И. Новикова. Саратов, 1974. С. 254.

¹⁴ Там же. С. 141.

¹⁵ Рак В. Д. Статьи о литературе XVIII века. СПб., 2008. С. 437–439.

¹⁶ Там же. С. 438.

¹⁷ См.: Quérard J.-V. La France littéraire. Paris, 1865. Vol. 1. P. 96.

Отдельные главы книги посвящены проблемам воспитания, морали, критическому описанию современных нравов, религии, вопросам литературы, искусства и философии. Одним из главных мотивов оставалась защита религии и обличение неверующих. Вместе с тем Шампюан выступал как сатирик, нападавший на современные общественные пороки: он высмеивал невежд, модниц, светских льстецов, знатных бездельников, кичившихся своим происхождением.

В разделе «Характеристики и портреты» несколькими штрихами создавались определенные типы людей, достойных осмеяния. Клеон подражает всем, не имея собственного характера: у него нет добродетелей, потому что так и у всех, и по той же причине имеет все пороки. Альсим находит у себя все болезни. Никандр начинает писать что-то, но ничего не заканчивает. Клариса предстает как женщина-философ: она спокойно переносит смерть близких, но горюет из-за потери попугая. Коринна хочет сделать из сына модного кавалера, и рассудительный муж не может найти с ней общего языка. Селимена командует всем домом и всех заставляет дрожать перед собой. Ситон привык кутить и тратит свое достояние на забавы в Париже, присутствие в Версале, наряды и украшения.

Понятно, что все это было интересно и близко Новикову, издателю сатирических журналов. Вполне возможно, что именно книга Шампюана способствовала появлению в этих изданиях серии сатирических портретов, отражавших уже русскую действительность. Как определил В. Д. Рак, из этой же книги французского автора позднее, в 1788 году был выбран небольшой сатирический очерк и под названием «Роднябар» помещен в журнале «Утренние часы», издававшемся И. Г. Рахманиновым, известным почитателем Вольтера. Герой этой зарисовки, молодой полковник Клит, как изнеженный барин, «никогда ничего не делает своими руками»: слуги его одевают и обувают. Показательно, что исследователи творчества И. А. Крылова, обратив внимание на эту публикацию, даже приписывали авторство очерка русскому баснописцу.¹⁸

Новикову были очень близки и другие темы, затронутые в книге Шампюана: проблемы воспитания, выбор книг для чтения и спектаклей, развивающих вкус, представление об истинном благородстве. В раздел, посвященный религии, автор вставил интересный отрывок: «Описание вновь открытого острова». Этот небольшой этюд воссоздавал своеобразную утопию. У жителей вымышленного острова нет ни богатства, ни бедности; они не знают роскоши, но любят славу и добродетель. Они занимаются не покупками, но развивают искусства, уважают религию и добрые нравы. Всех детей воспитывают ласково. В семье не допускают деспотизма. В женщине ценят добрую душу, а не ее бриллиантовые украшения.

Утопия, созданная французским автором, тоже могла обратить на себя внимание Новикова, для которого тема «золотого века» имела несомненную привлекательность. Можно напомнить в этой связи, что в «Живописце» (1773, ч. 2) была напечатана песня нижегородского купца А. И. Фомина о «золотом веке» «Здесь пристанище покоя...».

Трудно согласиться с мнением, что автор книги — обскурант. Это был человек широко образованный, хорошо знавший античную историю и литературу, но не понявший и не принявший просветительской деятельности энциклопедистов и вступивший с ними в решительную литературную борьбу, обвиняя их в «неверствии». С этим обвинением в какой-то степени мог согласиться и Новиков как человек глубоко религиозный.

Известный демократизм Шампюана также мог вызвать сочувственное отношение Новикова. Свою раннюю юность он провел в подмосковном имении, грамоте учился у сельского дьячка, а поступив в Московский университет, где с успехом занимался изучением французского и немецкого языков, вернулся в имение из-за болезни отца и был отчислен за «нехождение в классы».¹⁹ По всей видимости, начиная свою служебную и литературную деятельность в Москве, Новиков тоже чувствовал себя отчасти «провинциальным философом», которому были чужды светские обычаи и нравы.

¹⁸ Рак В. Д. Статьи о литературе XVIII века. С. 439.

¹⁹ См.: Степанов В. П. Новиков Николай Иванович // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. С. 363.

Несомненный интерес для него представлял раздел книги Шампьюна «О знатности» («De la noblesse»). Здесь автор всячески высмеивал тех, кто кичится своим знатным происхождением, не имея собственных заслуг. Истинно благородным человеком может быть назван тот, кто честен, великодушен, добродетелен. Храбрый офицер и честный судья заслуживают уважения, в отличие от недостойно ведущего себя знатного господина. При этом Шампьюн упоминал о том, что и духовные лица почитаются, если только не забывают свой долг. Всех знатных людей, которые ведут себя недостойно, по мнению автора, следует наказывать, причем в соответствии с их рангом. Подобные рассуждения могли вызвать живой интерес Новикова, который неизменно с большим уважением и сочувствием относился к тем, кто занимал невысокое место на сословной лестнице, но отличался своими нравственными достоинствами. В «Трутне» он смело «пересмежал» знатных людей: если «в маленьком человеке воровство есть преступление», то «в превосходительной степени или человеке <...> воровство не что иное есть как слабость» («Труть», 1769, лист VIII, 16 июня).

Книга Шампьюна в целом, очевидно, понравилась Новикову, но для перевода он выбрал самый последний раздел из первой части — «О современной философии»; его он перевел со значительными сокращениями, опуская большие по объему примечания, в которых сообщались подробные сведения о философах и писателях разных эпох. Вместе с тем в ряде случаев Новиков снабжал перевод своими собственными примечаниями, которые представляют для нас особый интерес как небольшие, но оригинальные тексты.

В связи с употребленным Шампьюном словом «pédante» дается пояснение: «*Педант*; человек ученый, но грубый, необходимый, во мнении своем упрямый и ничего, кроме затвержденного в училище, разговаривать не умеющий. В собрании людей учтивых человек несносный».²⁰ «Собрание людей учтивых» — это ироническое определение, которое «провинциальный философ» дает своим идейным противникам, столичным философам-энциклопедистам, в кругу которых он, вероятно, и сам был воспринят как «педант». Шампьюн, со своей стороны, считал, что именем «философа» они «прикрывают свое ничтожество» и «с одним тем именем петиметр право имеет быть учен и важен». К слову «петиметр», уже вошедшему и в русский язык того времени, Новиков дает такое разъяснение: «*Петиметр*. Молодчик неубогий, себя лучше и умнее всех почитающий; всегда наряжен, всегда и везде волокита, всегда сварлив и потому всегда неумен. За честь себе вменяет быть мотом, вертопрахом и ничему не верующим» (с. 5).

Еще одно примечание Новиков делает к выражению «bell-esprit» (остроумный человек), получившему широкое распространение во французской литературной среде. Новиков намеренно оставляет это выражение не переведенным в отрывке, соответствующем ироническому тексту Шампьюна: «Можно, наконец-то, поверить о бедном так называемом *Бель-Эспри*, которого или тщеславие или глад снадают и которого заблуждения за красоту слога проходят...». Выделив курсивом эти слова, Новиков делает к ним собственное примечание: «*Бель-Эспри*. Напредь сего разумели сим словом ум, науками и учтивостью украшенный; но как многие таковыми быть захотели и того напрасно искали, тогда звание обратилось в посмеяние, и оным называются больше недоученные; наипаче ж бесполезными, иногда ж вредными сочинениями пропитания ищущие писатели; и по тщеславию, а чаще из подлыя корысти нелепых стихов кропатели» (с. 32–33). Примечательны слова Новикова о «подлых стихов кропателях». В том же 1772 году, когда появился перевод сочинения Шампьюна, Новиков издал и свой «Опыт исторического словаря о русских писателях». Помещенная здесь статья о В. П. Петрове содержала, как известно, весьма критический отзыв, несмотря на похвалы императрицы, надеявшейся видеть в этом одописце «второго Ломоносова».

²⁰ [Шампьюн де Понталье Ф.]. Французская нынешнего времени философия; сокращенно выписана из книги «Variétés d'un Philosophe Provinciale, par mr. Ch... Le jeune», печатанной в Париже 1767 года. СПб., 1772. С. 4. Далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно, с указанием номера страницы.

В журнале «Живописец» Новиков также высмеивал высокопарный слог Петрова и употребленное им в оде слово «рыгать».

Обращаясь к вопросу о разных верованиях, Шампльон решительно выступал против фанатизма, осуждал насаждение религии «огнем и мечом» и утверждал, что именно католики как христиане признают человеколюбие основанием мнений и нравов. Переводя этот отрывок, Новиков произвел важную замену: в русском переводе речь шла не о католиках, а о православных. Кроме того, он ввел несколько собственных примечаний для объяснения слов «толеранция», «интолеранция», «фанатисма». О последнем он писал: «*Фанатисма*. Бесчеловечная и сумасбродная по вере ревность, которая и самое страшное злодейство почитает за святость, когда оно в неистовстве исполняется за веру» (с. 35).

Вступая в спор с энциклопедистами и считая, что они недостаточно образованы, Шампльон задавал такие вопросы: «Рассматривали ли они с основания разные всего света веры и знают ли они древние языки?» (с. 8). Решительно осуждая их за отсутствие веры, «нечестивость», он стремился защитить те духовные ценности, которыми сам очень дорожил. Шампльон писал о древних греческих философах как «еретиках, добронравием прославленных» и даже противопоставлял их «множеству людей благочестивого исповедания злонаправных». С уважением отзывался о кальвинистах, лютеранах, квакерах, напоминая об их «делах славных и человеколюбивых» (с. 14). Главным же предметом его критики стали энциклопедисты из-за их «нечестивости», отсутствия веры и связанного с этим, как он считал, равнодушия к «благополучию общества» (с. 17).

Шампльон неоднократно упоминал Тита Ливия, Плутарха, Сократа, Вергилия, ряд других философов и писателей Древнего мира. В разделе «О литературе» он с похвалой отзывался о Н. Буало, Ж. Расине, П. Корнеле, Ф. Фенелоне, Ж.-Б. Боссюэ. Считая, что такие авторы могут быть образцами, он выступал против рабского подражания им. Значительное место Шампльон уделил вопросу о чтении: он пишет, как постепенно с возрастом должен совершенствоваться вкус в выборе книг и спектаклей. Если в двенадцать лет могут развлекать марионетки, то людям в тридцать лет нужно ценить такие трагедии, как «Андромаха» и «Меропа», уметь прочувствовать виденное. Порицая Вольтера — автора «Философского словаря», как литературный критик он оценил достоинства его трагедии.

Для Шампльона существовало два основных священных понятия, неразрывно связанных друг с другом: «christianisme et charité» (христианство и милосердие). Очень интересно, как Новиков переводит по-русски рассуждения об этих понятиях: «...отцы наши славились быть и христианами, и милосердыми <...>, не было им ни малой нужды ни в философии, ни в Энциклопедии. Гражданин лучше ли христианина? Я того не чаю. <...>. Хотят изгнать сии старинны два слова: христианство и любы» (с. 13–14).²¹ Последнее слово заслуживает особого внимания. В книге В. Д. Рака, глубоко анализировавшего позицию Новикова, осталась досадная опечатка, допущенная, очевидно, по недосмотру наборщика: вместо слова «любы» напечатано «люди». Между тем очень важно, что Новиков для перевода использует именно архаичную старославянскую форму слова «любовь» — «любы», стремясь подчеркнуть высокий смысл этого понятия, одного из ключевых в данном контексте. Таким образом переводчик одновременно напоминал читателю об отечественной культуре прошлого, культуре отцов — тема, тесно связанная со всей издательской и литературной деятельностью Новикова, который в своем «Опыте исторического словаря о российских писателях» (1772) уделил значительное место древнерусским авторам, а затем осуществил издание десяти частей «Древней российской вивлиофики» (1773–1775; 2-е изд. в 20 ч., 1788–1791).

²¹ «...Nos pères se piquant d'être même chrétiens et charitable: pour cela ils n'avaient pas besoin de philosophie ou d'Encyclopédie. Humanité dit-il plus que charité? Citoyen est-il plus beau que chrétien? Je ne pense pas. <...> C'est qu'on veut absolument bannir de l'usage ces deux vieux mots, christianisme et charité...» (*Champion de Pontalier F. Variétés d'un philosophe provinciale*. Paris; Brusselle, 1767. Partie Première. P. 231–232).

В «Живописце» (1773, ч. 2, лист XX) он впервые опубликовал текст надгробной надписи Симеону Полоцкому, сочиненной его учеником Сильвестром Медведевым и помещенной на надгробии в Заиконоспасском монастыре. Здесь также есть слово «любы»: «В нем же вера, надежда, любви пребываше».²²

Архаизация речи проявилась у Новикова и в переводах из Вольтера («избави мя», «младый сей государь», «седем башен»), и тем более в переводе сочинения Шампюна («лепота», «брегут», «токмо», «поелику», «паче» и др.). Эти примеры нетрудно умножить. В значительной степени они отражают литературные предпочтения Новикова: его интерес к древнерусской словесности, к отечественному прошлому. В этом отношении переводческая практика писателя во многом находит соответствие в творчестве В. К. Тредиаковского, которого, в отличие от многих своих современников, Новиков очень высоко ценил. Как и его предшественник, он дифференцировал свой стиль перевода в зависимости от соответствовавшей ему темы. Если в сатирических зарисовках был допустим разговорный язык, включавший и просторечия, то при обсуждении философских вопросов, особенно связанных с религией, были вполне уместны архаизмы и библеизмы.²³

Новикову, очевидно, оказались очень близки и размышления французского автора о патриотизме. Шампюн резко порицал древнее изречение «Ubi bene, ibi patria» («Где хорошо, там отечество»), и этот отрывок в переводе звучал так: «Тот, кто прежде всех предложил мерзкое то правило, что повсюду есть отечество, где жить добро, или не предвидел страшных следствий таких неслыханных лжи, и тогда ж сделался весьма невеликим философом; или предусматривая все, был он плут, потому что дерзнул явно противиться разуму, естеству и искусству всего света. Разум нас учит, что любовь к отечеству происходит от праведного любления себя самого, по которому всяк обязан предпочитать пользу общественную своей собственной...» (с. 24). Показательно, что Новиков употребил здесь два разных выражения: «любовь к отечеству» и «любление себя самого», как бы дифференцируя эти понятия с учетом значимости адресата (в оригинале в том и в другом случае употреблено одно и то же слово: «l'amour»).

Сохранился интересный отзыв об осуществленном Новиковым переводе сочинения Шампюна, принадлежащий адъютанту Сухопутного кадетского корпуса И. А. Алексееву, переводчику целого ряда сочинений древних авторов.²⁴ В 1775 году, упоминая это издание, Алексеев писал о Новикове: «...он, как и сочинитель, не хотел и имени своего означить, но единственно, ревнуя о добрых нравах своих соотчичей и желая, сколько можно, некоторым мыслящим о себе много и почитающим себя великими философами, открыть глаза, показать ясно их заблуждения и обличить оных в своенравии и развращении мыслей».²⁵

Как показали приведенные примеры, осуществленный Новиковым перевод сочинения Шампюна во многих отношениях связан с оригинальным литературным творчеством русского писателя. Но это вовсе не означает, что можно отождествлять позиции французского автора и его переводчика, а тем более говорить о прямом заимствовании. Интерес Новикова к этой книге связан с тем, что он нашел здесь много тем и мыслей, созвучных своим размышлениям. Вместе с тем поправки и примечания, которые переводчик вносил в текст, свидетельствуют о его критическом подходе к сочинению Шампюна и стремлении использовать его для выражения собственных идей, получивших развитие в оригинальном творчестве. Как свидетельствует вторая часть книги, французский автор становился все более воинственным и язвительным по отношению к своим противникам — энциклопедистам. Затем он оставил литературное творчество, полностью посвятив себя богословию.

²² Сатирические журналы Н. И. Новикова. С. 447.

²³ См.: Дерюгин А. А. В. К. Тредиаковский — переводчик. Становление классицистического перевода в России. Саратов, 1985. С. 106–114.

²⁴ См.: Семенников В. П. Материалы для истории русской литературы... С. 10; Фоменко И. Ю. Алексеев Иван Алексеевич // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1. А–И. С. 25–26.

²⁵ Семенников В. П. Материалы для истории русской литературы... С. 74.

Новиков же позднее признавался, что находился «на распутии между вольтерьянством и религией»,²⁶ это и привело его к вступлению в масонскую ложу в 1775 году. Для него, как и для участников созданного им «Дружеского ученого общества», это был не отказ от православия, но продолжение поисков «истинного христианства», неразрывно связанного с высоким представлением о христианском милосердии — «любы», и со стремлением принести пользу своим соотечественникам. Одновременно он оставался убежденным поборником идей Просвещения, о чем свидетельствует и виньетка на титуле переведенного им сочинения Шампюна, представляющая атрибуты наук и искусств: книги, глобус, палитра и кисти художника, музыкальные инструменты. Несмотря на все сомнения, он выбрал свой путь и продолжал с еще большим размахом издательскую, филантропическую, просветительскую деятельность. В 1790 году незадолго до своего ареста Новиков выпустил в свет изданную возглавлявшейся им Типографической компанией книгу «Сочинения г. Д'Аламберта, одного из славнейших и редких писателей».²⁷

Внеся огромный вклад в дело отечественной культуры и образования, он способствовал развитию литературных талантов многих своих младших современников, среди которых были и М. Н. Муравьев, и Н. М. Карамзин.

²⁶ См.: *Лонгинов М. Н.* Новиков и московские мартинисты. СПб., 2000. С. 118.

²⁷ Сочинения г. Д'Аламберта, одного из славнейших и редких писателей / Пер. с фр. [И. Г. Харламова]. М.: Тип. Компании типографической, 1790. Ч. 1; также см.: *Мартынов И. Ф.* Книгоиздатель Николай Новиков. С. 70–113; *Баренбаум И. Е.* Французская переводная книга в России в XVIII веке. М., 2006. С. 239.

DOI: 10.31860/0131-6095-2025-1-40-46

© Ю. А. Долгих

ПОЧЕМУ ЛЕШИЙ КОЗЛОНОГИЙ: АНТИЧНЫЙ СЛЕД В ОСВОЕНИИ ФОЛЬКЛОРНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XIX ВЕКА*

В поэтическом послании «К Воейкову» (1814) лирический герой В. А. Жуковского мечтательно погружается в мир «древних чудес», наполненный персонажами русских сказок: здесь Царь-девица, баба Яга, русалки, и среди них — «вдруг из-за седого пня выходит леший козлоногий».¹

Ассоциация русского лешего с античным сатиром может показаться неожиданной, если учесть сложившееся традиционное представление о нем как о лесном старичке, который часто своим видом напоминает сухое дерево или пеня.² Впрочем, в художественном представлении контаминация образов славянского лесного духа с его античным аналогом не является редкостью: достаточно вспомнить полотно М. А. Врубеля конца XIX века «Пан» из серии «Сказочный цикл», на котором герой картины имеет явные черты русского лешего. В начале XIX века наблюдается обратная взаимосвязь: под именем персонажа славянской мифологии часто изображается греческий лесной полубог.

Конечно, судить только по одной детали образа у Жуковского было бы поспешно. Большинство исследователей подчеркивают зооморфизм лесных духов, и в этой связи

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00856, <https://rscf.ru/project/24-28-00856/>, СПбГУ.

¹ *Жуковский В. А.* К Воейкову. Послание // Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1999. Т. 1. С. 312.

² *Криничная Н. А.* Русская мифология. Мир образов фольклора. М., 2004. С. 250.

Наталья Дмитриевна Кочеткова

главный научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Natal'ia Dmitrievna Kochetkova

Chief Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-1147-010X

kndmail@mail.ru

Н. И. НОВИКОВ — ПЕРЕВОДЧИК**N. I. NOVIKOV AS THE TRANSLATOR**

Статья посвящена рассмотрению переводческой деятельности Н. И. Новикова. Основное внимание уделено напечатанной на его счет книге «Французская нынешнего времени философия; сокращенно выписана из книги „Variétés d'un Philosophe Provinciale, par mr. Ch... Le jeune“, печатанной в Париже 1767 года» (СПб., 1772; 2-е изд. М., 1787). Автором был Ф. Шампюан де Понталье (Francois Champion de Pontalier, 1731–1812), известный своей полемикой с энциклопедистами, но вместе с тем затрагивавший многие темы, интересовавшие Новикова: проблемы воспитания, морали, критика современных нравов, вопросы литературы, искусства, философии. Одним из главных мотивов была защита религии и порицание неверующих. Особый интерес представляют примечания, оригинальные тексты Новикова: толкование таких слов, как «педант», «петиметр» и др.

Ключевые слова: Н. И. Новиков, переводная литература, полемика с энциклопедистами, сатира, русский литературный язык XVIII века.

The article analyzes the translation endeavors of N. I. Novikov. It focuses on his self-published book, *French Philosophy of Our Times; Abridged Excerpt from the Book „Variétés d'un Philosophe Provinciale, par Mr. Ch... Le Jeune“, Printed in Paris in the Year 1767* (St. Petersburg, 1772; second edition, Moscow, 1787). The author was Francois Champion de Pontalier (1731–1812), renowned for his polemics with the Encyclopedists, who touched, however, on many subjects that were of interest to Novikov: problems of education, morality, critique of contemporary morale, literary, artistic and philosophical issues. One of the principal motifs was the defense of religion and condemnation of the unbelievers. The notes and original texts by Novikov are of particular interest: his annotations to the words *pedant*, *petimetre* etc.

Key words: N. I. Novikov, translated books, polemics with the Encyclopedists, satire, Russian literary language of the 18th century.

Список литературы

1. Баренбаум И. Е. Французская переводная книга в России в XVIII веке. М., 2006.
2. Дербов Л. А. Общественно-политические и исторические взгляды Н. И. Новикова. Саратов, 1974.
3. Дерюгин А. А. В. К. Третьяковский — переводчик. Становление классицистического перевода в России. Саратов, 1985.
4. Заборов П. Р. Русская литература и Вольтер. XVIII — первая треть XIX века. Л., 1978.
5. Лонгинов М. Н. Новиков и московские мартинисты. СПб., 2000.
6. Мартынов И. Ф. Книгоиздатель Николай Новиков. М., 1981.
7. Рак В. Д. Статьи о литературе XVIII века. СПб., 2008.
8. Сатирические журналы Н. И. Новикова / Ред., вступ. статья и комм. П. Н. Беркова. М.; Л., 1951.
9. Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. М., 1963–1966. Т. 1, 3.
10. Степанов В. П. Колосов Степан Прокофьевич // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2. К–П.
11. Степанов В. П. Новиков Николай Иванович // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2. С. 363.

12. *Фоменко И. Ю.* Алексеев Иван Алексеевич // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1. А–И.
13. *Штранге М. М.* Демократическая интеллигенция в России в XVIII веке. М., 1965.

References

1. *Barenbaum I. E.* Frantsuzskaia perevodnaia kniga v Rossii v XVIII veke. M., 2006.
2. *Derbov L. A.* Obshchestvenno-politicheskie i istoricheskie vzgliady N. I. Novikova. Saratov, 1974.
3. *Deriugin A. A. V. K.* Trediakovskii — perevodchik. Stanovlenie klassitsisticheskogo perevoda v Rossii. Saratov, 1985.
4. *Fomenko I. Iu.* Alekseev Ivan Alekseevich // Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka. L., 1988. Vyp. 1. А–И.
5. *Longinov M. N.* Novikov i moskovskie martinisty. SPb., 2000.
6. *Martynov I. F.* Knigoizdatel' Nikolai Novikov. M., 1981.
7. *Rak V. D.* Stat'i o literature XVIII veka. SPb., 2008.
8. *Satiricheskie zhurnaly N. I. Novikova / Red., vstup. stat'ia i komm. P. N. Berkova. M.; L., 1951.*
9. *Shtrange M. M.* Demokraticheskaia intelligentsiia v Rossii v XVIII veke. M., 1965.
10. *Stepanov V. P. Kolosov Stepan Prokof'evich // Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka. SPb., 1999. Vyp. 2. K–P.*
11. *Stepanov V. P.* Novikov Nikolai Ivanovich // Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka. SPb., 1999. Vyp. 2. S. 363.
12. *Svodnyi katalog russkoi knigi grazhdanskoi pechati XVIII veka. 1725–1800. M., 1963–1966. T. 1, 3.*
13. *Zaborov P. R.* Russkaia literatura i Vol'ter. XVIII — pervaa tret' XIX veka. L., 1978.

Юлия Анатольевна Долгих

инженер-исследователь Санкт-Петербургского государственного университета;
научный сотрудник Научно-исследовательского отдела
редкой книги Библиотеки Российской академии наук

Julia Anatol'evna Dolgikh

Researcher-Engineer, St. Petersburg State University;
Researcher, Research Department of Rare Books,
Russian Academy of Sciences Library

ORCID: 0000-0003-1826-7435

ju-d@mail.ru

**ПОЧЕМУ ЛЕШИЙ КОЗЛОНОГИЙ:
АНТИЧНЫЙ СЛЕД В ОСВОЕНИИ ФОЛЬКЛОРНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XIX ВЕКА**

**WHY THE *LESHY* HAS THE GOAT'S FEET: TRACES OF ANTIQUITY
IN THE TREATMENT OF THE FOLKLORE CHARACTERS
IN THE RUSSIAN LITERATURE OF THE LATE 18TH — EARLY 19TH CENTURY**

В статье рассматривается влияние античных реминисценций на русскую литературную демонологию конца XVIII — начала XIX века на примере сюжетов с лешими. Общекультурная ориентация на античную мифологическую систему приводит к тому, что славянский леший ассоциируется с античным сатиром и в художественном выражении получает соответствующий облик. Интерес к национальной мифологии в конце XVIII века провоцирует развитие этнографических